

02:17

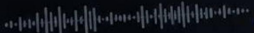

Эйдан

был(а) 10 лет назад

Сегодня

02:17

Эйдан

10 лет назад

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Через десять лет

Ты обещал,
что не
исчезнешь

НАРЦИССА ДЖАНОВА

Нарцисса Джанова

Голос из прошлого.

Десять лет назад

<https://litres.ru/74350503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Анна похоронила Эйдана. Похороны, соболезнования, могила с его именем — всё было по-настоящему. Она горевала, отпускала, училась жить дальше.

А потом, глубокой ночью, телефон присылает уведомление из чата, который она удалила десять лет назад.

Восемь секунд голосового сообщения.

Его голос.

«Не исчезай надолго».

Анна не верит в знаки. Но она не может не ответить.

Кто написал ей от его имени? Старая резервная копия, дала сбой техника — или кто-то жестоко играет на самой глубокой ране, которая у неё есть?

Иногда голос из прошлого возвращается не для того, чтобы попрощаться. А чтобы наконец сказать то, что осталось недосказанным.

Содержание

Восемь секунд	4
02:00	15
Язык поступков	28
Под кроватью	38
Две галочки	60
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Нарцисса Джанова

Голос из прошлого.

Десять лет назад

Восемь секунд

Анна не верила в знаки. За двадцать девять лет с ней не произошло ничего, что заставило бы изменить это мнение. Ни счастливые числа, ни вещие сны, ни странные совпадения никогда не казались ей чем-то большим, чем случайностью.

Мир был устроен проще. Ты принимаешь решения. Живёшь с их последствиями. Просыпаешься утром. Идёшь на работу. Возвращаешься домой.

Всё остальное люди придумывают, когда слишком сильно хотят найти объяснение тому, что объяснить невозможно.

Поэтому, когда телефон сам загорелся в два часа ночи, она даже не удивилась. Сквозь сон решила, что он просто перезагрузился после разрядки. Не открывая глаз, потянулась к тумбочке. Пальцы коснулись холодного корпуса. Экран погас.

Анна уже почти снова уснула, когда комнату прорезала короткая вибрация. Одно уведомление. Она недовольно приоткрыла глаза, взяла телефон и, щурясь от яркого света, машинально разблокировала экран.

Мессенджер. Новое сообщение. Наверное, спам. Она открыла уведомление почти не глядя. И замерла.

Это был чат. Чат, которого больше не существовало.

Она сама удалила его десять лет назад. Ночью. Сидя на холодном полу ванной. Удалила не потому, что перестала любить. Потому что больше не могла смотреть на его имя. Потому что он звонил снова и снова. А она не отвечала. А потом телефон однажды перестал звонить совсем.

На экране было всего одно слово.

Эйдан.

Анна медленно села на кровати. Сердце билось непривычно. Не быстро. Наоборот. Тяжело. Глухо. Будто внутри что-то медленно сдвинулось с места, на котором лежало всё эти годы.

За окном стояла тихая осенняя ночь. Где-то далеко прошумела машина. Потом снова наступила тишина. Такая глубокая, что она отчётливо слышала собственное дыхание.

Чат оказался почти пустым. Одно голосовое сообщение. Восемь секунд. И дата.

Анна машинально посмотрела на неё. Мир не перевернулся. Ничего не произошло. Но что-то внутри медленно сжалось.

Так медленно, что сначала она даже не поняла почему. Потом увидела. Десять лет назад.

Она ещё долго не двигалась. Телефон не гас. Будто терпеливо ждал.

Анна смотрела на маленький серый значок микрофона и упрямо искала объяснение.

Сбой. Старая резервная копия. Ошибка синхронизации. Повреждённые данные. Любая причина подходила лучше той, о которой она боялась даже подумать. Наконец она нажала воспроизведение.

— Блин... ладно.

Он тихо усмехнулся. Потом на несколько секунд замолчал.

— Злишься, так злись. Просто напиши потом.

Ещё одна короткая пауза.

— Не исчезай надолго.

Запись закончилась. Всего восемь секунд. Анна не пошевелилась.

Это был не голос человека, который прощается. Не голос человека, который чувствует беду. Это был самый обычный голос. Живой. Немного уставший. Немного растерянный. Голос двадцатилетнего парня, который был уверен, что завтра они обязательно помирятся.

Который ещё не знал, что она так и не ответит. И что через несколько дней его самого уже не станет.

Анна поняла, что всё это время не дышала, только когда

лёгкие болезненно сжались.

Она медленно выдохнула. Опустила телефон на колени. И долго смотрела в стену напротив.

Днём там висело зеркало. Она знала это. Но сейчас видела только темноту.

Эйдан.

За десять лет она ни разу не произнесла его имя вслух.

Не потому, что забыла. Нет. Забыть она так и не смогла. Она научилась другому. Жить так, будто этой боли больше нет.

Спрятала её так глубоко внутри, что сама перестала подходить к той двери.

Жизнь за это время успела стать другой. Она один раз сменила работу. Не потому, что нашла место лучше. Просто на прежней все знали её историю. Слишком осторожно спрашивали, как она. Слишком внимательно следили за её молчанием.

На новой работе никто ничего не знал. И это оказалось неожиданно легко. Там можно было просто быть Анной. Не девушкой, которая кого-то потеряла. Не человеком, которого жалели. Просто сотрудницей, которая вовремя сдаёт проекты, редко опаздывает и почти никогда не говорит о себе.

Она работала хорошо. Ровно настолько, чтобы не выделяться. Повышение означало бы новые разговоры. Новые знакомства. Новые вопросы. А ей давно было достаточно тихой, незаметной жизни.

Потом был Дэвид. Через несколько лет. Спокойный. Терпеливый. Он никогда не пытался заменить ей прошлое.

Наверное, именно поэтому она позволила ему остаться рядом. Полтора года. А потом однажды вечером он сказал совсем тихо:

— Иногда мне кажется... ты всё ещё ждёшь кого-то.

Анна ничего не ответила. Потому что не знала, что можно ответить человеку, который оказался прав.

Они расстались без ссор. Без громких слов. Просто однажды оба поняли, что невозможно построить будущее с человеком, который половиной сердца всё ещё живёт в прошлом.

Был ещё мост. Ничем не примечательный. Старый бетонный мост в нескольких кварталах от квартиры Эйдана.

Когда-то они часто переходили его пешком. Иногда спорили, кто первым заметит поезд под пролётом.

Иногда просто молчали, облокотившись на перила, пока внизу медленно текла тёмная вода.

После его смерти Анна больше ни разу не прошла по той дороге. Не потому, что решила избегать этого места. Она вообще не принимала такого решения.

Просто однажды ноги сами свернули на соседнюю улицу. Потом ещё раз. И ещё. Через несколько месяцев обходной маршрут стал привычным.

Только иногда, уже оказавшись дома, она вдруг понимала, что снова прошла два лишних квартала. И даже не заметила этого.

Некоторые раны тело запоминает раньше, чем разум. Телефон всё ещё лежал у неё на коленях. Одно голосовое. Восемь секунд.

Она нажала воспроизведение снова.

Шум улицы. Ветер. Чьи-то голоса. Потом Эйдан. На этот раз она почти не слушала слова. Она слушала его дыхание между фразами. Лёгкую усмешку в самом начале. То, как он произнёс последнее предложение, будто был совершенно уверен, что уже завтра всё станет как прежде.

Она включила запись ещё раз. И ещё. За окном медленно светлело. Ночь не уходила сразу. Она отступала нехотя, уступая место серому утру.

Она не искала в записи скрытый смысл. Не пыталась слышать что-то новое. Не надеялась найти ответ.

Просто, пока звучал его голос...

Эйдан снова был рядом. Стоило записи закончиться, и пустота возвращалась. Каждый раз.

Она поймала себя на том, что нажимает кнопку воспроизведения ещё до того, как телефон успевал погаснуть.

Словно боялась оставить между ними хотя бы несколько секунд тишины. Именно тогда до неё наконец дошёл весь смысл одной простой фразы.

«Просто напиши потом».

Она написала. Через десять лет. Мысленно. Каждый день. Каждый раз, когда хотелось рассказать кому-то, как прошёл день.

Каждый раз, когда видела что-то смешное. Каждый раз, когда ловила себя на мысли: Эйдан бы сейчас обязательно пошутил.

Только отправить эти слова было уже некому.

Анна закрыла глаза. Сначала по щеке медленно скатилась одна слеза. Потом ещё одна. Она даже не пыталась их остановить.

Все эти годы она плакала редко. Коротко. Будто организм сам запрещал себе задерживаться в этой боли слишком долго.

Но сейчас... Что-то сломалось. Или, наоборот, перестало держаться из последних сил.

Она заплакала так, как не плакала с того самого дня.

Без попыток успокоиться. Без мысли, что нужно взять себя в руки. Без страха показаться слабой. В комнате никого не было. Да и если бы кто-то увидел...

Наверное, впервые за десять лет ей было бы всё равно. Она плакала долго. Пока внутри не осталось ничего, кроме тяжёлой усталости.

Когда слёзы наконец закончились, в квартире стояла такая тишина, что было слышно, как на кухне негромко тикают настенные часы.

Анна медленно вытерла лицо. Поднялась. Ноги казались чужими. Будто за эту ночь она успела прожить ещё одну жизнь.

Она дошла до кухни. Поставила чайник. Щёлкнула кон-

форкой. Голубое пламя вспыхнуло почти сразу.

Анна долго смотрела на него, не замечая, что вода в чайнике ещё даже не начала нагреваться. И только тогда её словно ударило простой мыслью.

Она так и не проверила...

Не появилось ли ещё что-нибудь. Она почти бегом вернулась в комнату. Телефон всё так же лежал на кровати.

Экран загорелся от лёгкого прикосновения. Чат был пуст. Одно голосовое. Те же восемь секунд. И больше ничего. Анна ещё несколько секунд смотрела на экран.

Потом медленно перевернула телефон дисплеем вниз. И вернулась ждать, пока закипит вода.

Их последняя ссора началась так нелепо, что спустя десять лет Анна уже не могла вспомнить, из-за чего всё произошло.

Она помнила только чувство. Будто всё внутри было натянуто до предела. Любое слово могло стать последним. Любой взгляд казался упрёком. В тот день Эйдану просто не повезло оказаться рядом...

То ли он что-то сказал не тем тоном. То ли она услышала в его словах то, чего там никогда не было.

Память безжалостно стёрла повод.

Но оставила всё остальное. Коридор. Запах его квартиры. Серую куртку, которую она так торопливо застёгивала.

И ощущение, будто всё внутри натянуто до предела. Они стояли друг напротив друга. Эйдан прислонился плечом к

стене. Уставший после долгого дня. Но спокойный. Именно это спокойствие выводило её из себя сильнее всего.

Ей казалось, что он совсем не понимает, как ей сейчас больно. А он, наверное, просто пытался не превратить обычную ссору во что-то большее.

Теперь она понимала это. Тогда нет.

— Ты всегда так делаешь, — сказала Анна.

Он нахмурился.

— Как?

— Как будто тебе всё равно.

Несколько секунд он просто смотрел на неё. Без раздражения. Без злости. Скорее с растерянностью.

— Мне не всё равно.

— Тогда почему ты так говоришь?

Эйдан устало провёл ладонью по лицу. Она помнила этот жест. Он всегда делал так, когда долго не мог подобрать слова.

— Анна... Я всего лишь сказал, что устал.

Он слабо улыбнулся, будто надеялся, что сейчас всё закончится.

— Это же не нападение на тебя.

Она понимала. Наверное, понимала даже тогда. Но признать это означало первой сделать шаг назад. А гордость иногда оказывается удивительно громкой.

— Я знаю.

Голос дрогнул.

Она почувствовала это сразу. Поэтому следующую фразу сказала уже резче, чем собиралась.

— Просто забудь.

— Подожди...

— Я сказала, забудь.

Она резко взяла сумку. Повернулась к двери. За спиной слышались быстрые шаги.

— Анна.

Он произнёс её имя совсем негромко. Не приказ. Не просьба. Скорее попытка удержать разговор, пока ещё не поздно. Она остановилась. Всего на мгновение.

Пальцы крепче сжали ручку двери.

Внутри будто сразу заговорили два человека.

Обернись. Он ведь не кричит. Он не обвиняет тебя. Он просто хочет поговорить. И второй голос.

Пусть теперь он сделает первый шаг.

Секунда. Всего одна секунда.

Иногда этого достаточно, чтобы изменить всю жизнь.

Анна открыла дверь. И вышла.

Она слышала, как дверь за спиной тихо закрылась. Без хлопка. Без последнего слова.

На лестничной площадке пахло сыростью. Где-то этажом ниже лаяла собака. Обычный вечер. Она спустилась на несколько ступенек.

Потом остановилась.

Сердце отчаянно ждало одного-единственного звука. Что

сейчас откроется дверь. Что Эйдан догонит её. Что снова позовёт по имени. Она даже улыбнулась уголками губ. Совсем немного.

«Ну давай...»

Тишина. Прошла ещё секунда. Потом ещё.

Дверь так и не открылась. Анна медленно выдохнула.

«Остынем.»

Эта мысль показалась такой разумной. Такой взрослой.

«Поговорим завтра.»

Она начала спускаться дальше.

«Он позвонит.»

Или...

«Я сама позвоню.»

Ступенька. Ещё одна. Ещё.

Она не знала, что в тот вечер говорит слово, которое будет преследовать её следующие десять лет.

Завтра.

Иногда человеку кажется, что завтра принадлежит ему. Что можно перенести разговор. Извинение. Признание. Один телефонный звонок.

Потому что впереди ещё очень много времени.

Иногда оказывается...

Что времени больше не было уже вчера.

02:00

Анна не спала до пяти утра.

Не потому, что не могла уснуть. Она просто не ложилась. Кухня была погружена в полумрак.

Над плитой горела маленькая лампа, оставляя остальную квартиру в тени. На столе остывал чай.

Анна налила его почти сразу после того, как вышла из спальни, но так и не сделала ни глотка. Сначала держала кружку в ладонях, чувствуя, как сквозь фарфор уходит тепло. Потом поставила её перед собой и забыла.

Телефон лежал рядом. Экран не гас. Открытый чат.

Одно голосовое сообщение. Восемь секунд. Дата десятилетней давности. Анна смотрела на него так долго, словно боялась моргнуть.

Будто стоило отвернуться хоть на секунду, и всё исчезнет.

В половине третьего она снова нажала воспроизведение.

Потом ещё раз. В четыре утра снова. После этого решительно перевернула телефон экраном вниз.

Хватит. Так больше нельзя. Прошла минута.

Она снова взяла его в руки. К рассвету Анна знала запись почти наизусть. Каждую паузу. Каждый порыв ветра. Каждый далёкий голос на улице.

Даже то, как Эйдан едва заметно менял интонацию перед последними словами.

«Просто напиши потом.» «Не исчезай надолго.»

Всего восемь секунд. Чужой, самый обыкновенный день, который давно закончился.

Она слушала запись снова и снова не потому, что надеялась услышать что-то новое. Не потому, что искала скрытый смысл.

Просто... Пока звучал его голос... Эйдан существовал.

Запись заканчивалась.

И мир снова становился таким, каким был последние десять лет.

Утро наступило слишком быстро. Казалось, она только что смотрела, как за окном медленно светлеет небо, а уже стояла перед зеркалом в ванной, машинально собирая волосы.

Лицо выглядело чужим. Под глазами легли тонкие серые тени. Она открыла кран, умылась холодной водой и несколько секунд смотрела на своё отражение.

Потом отвернулась первой.

До офиса добралась почти автоматически. Тот же автобус. Тот же маршрут. Те же люди, которые каждое утро спешили на работу с бумажными стаканчиками кофе в руках.

Мир продолжал жить так, словно прошлая ночь существовала только в её голове.

На проходной охранник привычно пожелал ей доброго утра. Она улыбнулась. Настолько убедительно, что сама почти поверила.

На рабочем столе уже ждали письма. Коллеги обсуждали выходные. Кто-то смеялся в соседнем кабинете. Началось совещание. Анна кивала в нужных местах. Делала пометки. Отвечала, когда к ней обращались.

Со стороны всё выглядело совершенно обычно.

Никто бы не догадался, что всю ночь она просидела на кухне, слушая восемь секунд чужого голоса. В перерыве она достала телефон. Открыла чат. Пусто. Экран снова погас. Она убрала телефон обратно.

Через несколько минут снова достала. Пусто. Это повторялось весь день. Она перестала замечать, сколько раз делает одно и то же движение.

Разблокировать экран. Открыть чат. Посмотреть. Закрыть. Снова убрать телефон.

Сначала она пыталась убедить себя, что всё происходящее можно объяснить. Сбой приложения. Старая резервная копия. Ошибка синхронизации. Иногда техника ведёт себя странно. Такое случается.

Она повторяла это почти как молитву. Спокойно. Методично. Снова и снова.

Но под этими словами жила другая мысль. Очень тихая. Настолько тихая, что Анна боялась даже посмотреть в её сторону.

Пожалуйста...

Всего одно слово. Без продолжения. Без объяснений. Она не позволяла себе произнести его полностью.

Потому что знала: если надежду назвать по имени, она сразу станет настоящей. А настоящей она быть не могла. Именно поэтому Анна продолжала убеждать себя, что это всего лишь ошибка.

Хотя с каждой минутой верила в это всё меньше. Вечером она вернулась домой позже обычного. Не потому, что задержалась на работе. Просто долго шла пешком. Сворачивала на незнакомые улицы.

Останавливалась у витрин, даже не рассматривая, что за ними. Будто надеялась, что усталость окажется сильнее мыслей. Не оказалась. Дома было тихо. Та же прихожая. Та же кухня.

Та же чашка, которую она утром оставила в раковине.

Анна машинально включила чайник. Потом выключила. Пить не хотелось. Обычно по вечерам она включала сериал. Иногда читала перед сном.

Иногда созванивалась с Мелани, если у той было настроение поболтать ни о чём. Сегодня квартира встретила её тишиной.

Телефон коротко завибрировал. Сообщение от Мелани. «Не забудь про пятницу. Я уже столик забронировала.» Анна долго смотрела на экран. Пальцы зависли над клавиатурой.

«Хорошо.» Она напечатала это слово. Потом стёрла. Напечатала снова. Отправила.

Мелани почти сразу прислала смеющийся смайлик и что-

то ещё. Анна не открыла. Она положила телефон на зарядку. Не в спальне. На кухонном столе. Прямо перед собой. Потом села напротив. И только спустя несколько минут поняла, как странно это выглядит.

Будто она ждёт звонка. Или сообщения. От человека... Которого нет уже десять лет. Она тихо усмехнулась. Без веселья. Скорее от усталости.

Ещё неделю назад, услышь она подобную историю от кого-нибудь другого, решила бы, что человеку нужна помощь.

Что горе наконец догнало его спустя годы. Что так не бывает. Теперь этим человеком была она сама. Эта мысль не испугала. Она только очень сильно утомляла.

Анна поднялась. Умылась. Переделалась. Выключила свет в квартире. Легла. Телефон остался на тумбочке.

Экран был повернут к ней. Она поймала себя на этом почти сразу. Обычно она всегда клала его дисплеем вниз.

Сегодня... Нет.

Анна молча перевернула телефон. Полежала несколько секунд. Потом снова взяла его. И положила экраном вверх. Она закрыла глаза.

Нет. Так нельзя.

Она ведь не ждёт. Конечно нет.

Она просто... Ей просто любопытно.

Любой человек на её месте испытывал бы любопытство. Вот и всё. Она повторила эту мысль несколько раз.

Но чем настойчивее пыталась в неё поверить...

Тем яснее понимала. Она ждёт. И именно это пугало сильнее всего. Потому что ожидание всегда начинается незаметно.

Сначала ты просто смотришь на часы. Потом начинаешь запоминать время. А однажды понимаешь, что весь день прожил только ради одной минуты. Она закрыла глаза. Сон не приходил. За окном тихо шёл дождь. Не ливень, не гроза. Просто ровный шелест капель, который обычно успокаивал.

Сегодня не помогал даже он. Анна перевернулась на другой бок. Потом снова на спину. Попыталась ни о чём не думать. Не получилось. Она открыла глаза.

На тумбочке тускло светился экран телефона. 01:47.

Ещё рано. Она усмехнулась самой себе.

Что она делает? Неужели действительно ждёт?

Нет. Конечно нет. Просто...

Случайно посмотрела на время. Она снова закрыла глаза. Несколько минут спустя открыла их почти сразу. Словно внутри кто-то тихо позвал её.

01:52.

Телефон молчал. Анна протянула руку. Разблокировала экран. Открыла чат. Ничего. Только два знакомых пузырька. Восемь секунд. Она медленно выдохнула. Погасила экран.

Положила телефон обратно. За окном дождь всё так же размеренно перебирал капли по стеклу. Когда-то этот звук помогал ей уснуть. Сегодня он только подчёркивал тишину квартиры.

Она лежала, прислушиваясь к дождю. Пыталась считать капли. Сбивалась. Начинала сначала. Любое занятие казалось лучше, чем смотреть на часы.

Но взгляд всё равно возвращался к ним. Снова. И снова.
01:58.

Она уже не пыталась уснуть. Просто лежала. Смотрела в потолок. Чувствовала, как сердце начинает биться немного быстрее. Без причины. Или причина всё-таки была.

01:59.

Одна минута. Всего одна.

Ей вдруг стало стыдно. До нелепости. До желания рассмеяться над самой собой.

Двадцать девять лет. Взрослая женщина. Работа. Обычная жизнь. И она лежит в темноте, считая секунды до двух часов ночи.

«Хватит.» Она почти заставила себя отвернуться. В этот момент...

Телефон коротко завибрировал. Не громко. Совсем тихо. Но этого звука оказалось достаточно, чтобы сердце болезненно сжалось.

Экран вспыхнул в темноте.

02:00.

Анна уже держала телефон в руках. Она даже не поняла, когда успела его схватить.

Пальцы сами разблокировали экран. Открыли чат. Новое голосовое сообщение.

Несколько секунд она просто смотрела на него. Не нажимая. Не дыша. Потом взгляд медленно опустился ниже. На дату. Она была другой. Более ранней. Анна почувствовала, как по спине медленно пробежал холодок.

Она ещё не понимала, что это значит. Да и понимать не хотела. Мыслей не осталось. Только одна странная, почти детская надежда.

Он снова говорит.

Она осторожно нажала воспроизведение.

Снова ветер. Где-то хлопнула дверь. Послышались чьи-то голоса.

А потом... Эйдан.

На этот раз его голос звучал совсем иначе. Легче. Спокойнее. Будто между ними ещё не выросла та стена, через которую они потом так и не смогли перелезть.

Он смеялся. Кажется, над кем-то из однокурсников.

Потом сказал, что задержится после занятий. Чтобы она не волновалась. И что позже обязательно ей напишет.

Ничего особенного. Самое обычное сообщение.

Таких люди отправляют десятки. И забывают о них уже через пять минут.

Анна прослушала запись ещё раз. Потом ещё. Она вдруг поняла одну страшную вещь.

Когда-то таких сообщений было много. Очень много. Она просто... Не слышала их.

Или не успела услышать. Она ведь тогда удалила весь чат.

Не пересчитывая сообщения. Не открывая каждое по отдельности. Одним движением.

Словно вместе с перепиской можно было удалить и боль. Оказалось... Нельзя.

Телефон медленно погас. Анна не стала включать экран снова. Она сидела в темноте, крепко сжимая его в ладонях. Ей казалось, что стоит отпустить, и вместе с ним исчезнет голос.

В квартире было тихо. Только дождь всё ещё шёл за окном. Тот же самый. Ровный. Спокойный. Будто для мира ничего не изменилось. Анна осторожно легла на спину. Телефон остался у неё на груди.

Она закрыла глаза. Перед ними сразу возникло его лицо. Не таким, каким она помнила его последние месяцы.

Другим. Смеющимся. Живым. Без усталости во взгляде. Без той тяжести, которая появилась между ними незаметно. Она вдруг поняла одну простую вещь.

Эти сообщения... Не возвращали Эйдана. Они возвращали дни, в которых он ещё был счастлив. И от этого становилось только больнее.

Потому что она знала, чем всё закончится.

А он... Нет. Эйдан ещё строил планы. Договаривался о встречах. Шутил. Опаздывал. Извинялся за это. Жил. Так спокойно, будто впереди у него была целая жизнь.

Анна прижала телефон крепче. В груди медленно росло чувство, которое она так долго прятала под другими имена-

ми.

Не грусть. Не тоска. Не любовь. Вина.

Она столько лет убеждала себя, что не виновата. Что никто не мог знать. Что никто не умеет предсказывать смерть.

Что одна пропущенная ссора ничего не меняет. Но стоило снова услышать его голос... Все эти объяснения рассыпались.

Осталась только одна мысль. Я должна была ответить. Она произнесла её беззвучно. Одними губами.

И именно эта мысль открыла дверь воспоминанию, которое она столько лет не позволяла себе прожить до конца.

На следующее утро после ссоры она проснулась с тяжёлым ощущением, что должна ему позвонить. Не потому, что была виновата больше. И не потому, что он был прав. Просто слишком хорошо знала их обоих. Знала, что такие ссоры никогда не длятся долго.

Стоило кому-то одному сделать первый шаг. Всего один.

Она взяла телефон ещё до того, как встала с кровати. Нашла его имя. Большой палец замер над кнопкой вызова.

«Сейчас.»

Так она подумала. Но потом посмотрела на время. Слишком рано. Наверное, он ещё спит. Позвоню позже. Эта мысль показалась разумной. Настолько разумной, что Анна сразу поверила ей.

Потом было утро. Работа. Какие-то дела. Обед. И каждый раз, когда она вспоминала об Эйдане, говорила себе одно и

то же.

Позже.

Какое удивительное слово. Оно всегда звучит так, будто впереди бесконечно много времени. Она помнила тот вечер почти по минутам.

Не потому, что он был особенным. Наоборот. Он был самым обычным. Наверное, поэтому память и сохранила его так отчётливо.

Обычные дни никогда не предупреждают, что станут последними.

К вечеру злость почти прошла. Осталась только усталость. Анна несколько раз брала телефон. Открывала список контактов. Находила его имя. Потом снова блокировала экран.

«Сейчас не время.» Так она говорила себе.

Ещё немного. Нужно только успокоиться. Тогда разговор получится нормальным. Не таким, как вчера.

В восемь вечера телефон зазвонил. Экран вспыхнул. Эй-дан.

Сердце дрогнуло раньше, чем она успела подумать. Она смотрела на его имя. И вдруг совершенно отчётливо поняла, что всё ещё можно исправить.

Нужно только провести пальцем по экрану. Всего одно движение. Она даже представила, как скажет первое слово.

«Привет.» Потом засмеётся.

Скажет, что они оба упрямые. Он обязательно ответит что-нибудь смешное. И через десять минут они уже будут

спорить совсем о другом. Так бывало раньше. Почему сейчас должно быть иначе?

Телефон продолжал звонить. Анна крепче сжала его в ладони. «Нет.» Не сейчас. Она ещё немного сердится. Он тоже. Лучше поговорить позже.

Когда они оба успокоятся. Звонок оборвался. Экран погас. В комнате сразу стало очень тихо. Анна ещё несколько секунд продолжала смотреть туда, где только что светилось его имя. Положила телефон рядом с собой.

«Через час.» Она почти улыбнулась. Через час она обязательно ему позвонит. Когда найдёт правильные слова. Когда перестанет мысленно продолжать вчерашний разговор.

Когда перестанет доказывать свою правоту человеку, которого рядом даже нет. Час прошёл быстро. Она сама не заметила как. Телефон молчал. Анна несколько раз брала его в руки. Потом откладывала обратно. «Наверное, уже поздно.»

Завтра. Лучше завтра.

На следующий день она снова собиралась позвонить. Но сначала закончить работу. Потом вернуться домой. Потом поужинать.

Потом... Удивительно, сколько дел вдруг появляется, когда пытаешься отложить один-единственный разговор.

К вечеру она уже злилась. Но теперь не на Эйдана. На себя. И всё равно не набрала его номер. Будто с каждым днём сделать первый шаг становилось труднее.

Хотя сама причина ссоры почти исчезла из памяти. Оста-

валось только молчание. Оно росло между ними медленно. День за днём. Пока однажды не стало казаться непреодолимым.

Она всё ещё ждала, что Эйдан позвонит снова. Наверное, потому что так было легче. Если позвонит он...

Значит, первый шаг делать не придётся. Но телефон молчал. А вместе с ним молчала и она. На третий день пришло уведомление. Не звонок. Голосовое сообщение. Анна увидела его почти сразу.

Большой палец уже коснулся экрана. Ещё немного... И она бы нажала. Но в этот момент её окликнули. Кто-то задал вопрос. Она машинально убрала телефон в карман.

«Потом.» Прослушаю потом.

Эта мысль была такой привычной. Такой простой. Она даже не запомнила, что подумала именно её. Потом не наступило.

Язык поступков

Голосовое пришло следующей ночью.

Почти в то же время. Без нескольких минут два. Анна уже не спала. Последние два вечера изменили её привычный ритм так незаметно, что она и сама не поняла, когда перестала ложиться с надеждой уснуть.

Теперь она просто лежала в темноте, прислушиваясь к тиканью часов, к шуму дождя за окном, к редким машинам, проезжавшим по пустой улице.

Время тянулось медленно, вязко, и она всё чаще ловила себя на том, что смотрит на экран телефона ещё до того, как тот успевает загореться.

Ждала ли она?

Анна упрямо отвечала себе: нет.

Она просто не могла уснуть. Просто совпадение.

Просто после прошлой ночи сон стал беспокойным.

Но когда телефон коротко завибрировал, она взяла его так быстро, словно всё это время держала в руках.

Экран вспыхнул. Новое голосовое сообщение. Анна сразу посмотрела на дату. Она снова была более ранней. Несколько секунд она молча смотрела на экран. Удивление почти исчезло. Ему на смену пришло другое чувство.

Тревожное. Необъяснимое. Будто она стояла перед закрытой дверью, за которой уже слышались шаги, но открыть её

всё ещё боялась.

Она нажала воспроизведение. Сначала послышался знакомый шум улицы. Где-то хлопнула дверь. Кто-то рассмеялся совсем рядом. Порыв ветра коснулся микрофона. Потом заговорил Эйдан.

— Слушай, я тут проходил мимо той кофейни... Ну, твоей любимой. Взял тебе. Буду через двадцать минут. Если хочешь, конечно.

Запись закончилась. Всего семь секунд. Анна не опустила телефон. Продолжала держать его возле уха, словно надеялась, что после короткой паузы он снова что-нибудь скажет. Не сказал. Она медленно закрыла глаза.

Перед глазами неожиданно возникла простая картина. Эйдан идёт по улице. Замечает вывеску кофейни. На секунду останавливается. Улыбается своим мыслям. Заходит внутрь. Покупает два стакана кофе. Выходит обратно на улицу и, не сбавляя шаг, записывает ей голосовое.

Никакого особенного повода. Никакой важной даты. Никакого красивого признания. Просто человек, который по дороге домой вдруг подумал о любимой девушке.

И почему-то именно это причиняло самую сильную боль. Не громкие слова. Не обещания. А эта удивительная лёгкость, с которой она жила в его мыслях.

Он всегда думал о ней. Не потому, что был обязан. Не потому, что хотел что-то доказать. А потому, что для него это было так же естественно, как свернуть в знакомую кофейню

по пути домой.

Анна медленно опустила телефон. Что-то внутри снова сжималось. Не резко. Без вспышки. Такая боль приходила иначе. Она не обрушивалась. Она медленно занимала всё свободное место внутри, пока однажды не становилось трудно сделать обычный вдох.

И только теперь, спустя десять лет, Анна поняла одну простую вещь. Она всегда замечала большие слова. Но почти никогда не замечала маленьких поступков.

Анна поднялась с кровати. В комнате было прохладно. Пол под босыми ногами казался холоднее обычного. Она медленно вышла в коридор, не включая свет. Квартира давно превратилась в пространство, которое она знала почти на ощупь.

Пальцы скользнули по стене, плечом она привычно задела дверной косяк, не сбившись с шага. Идти было некуда. Она просто не могла оставаться на месте.

Несколько минут бесцельно ходила из комнаты в комнату, словно движение могло успокоить мысли, которые всё теснее смыкались вокруг неё.

Остановилась у окна. За стеклом тянулась мокрая октябрьская ночь. Фонарь разливал жёлтый свет по влажному асфальту. В лужах дрожали отражения, и каждый порыв ветра разбивал их на десятки золотистых осколков.

Где-то вдаль проехала машина, оставив за собой длинную блестящую дорожку, которая почти сразу растворилась под

дождём.

Анна включила голосовое снова.

— ...Буду через двадцать минут. Если хочешь, конечно.

Она прослушала запись до конца. Потом ещё раз. И ещё. На третьем прослушивании палец сам завис над экраном. Что-то цепляло. Совсем немного. Настолько, что это можно было принять за игру воображения.

Она нахмурилась. Не слова. Их она уже почти выучила наизусть. Не шум улицы. Не его голос. Что-то другое. Как-кая-то едва уловимая неровность. Она закрыла глаза, стараясь вспомнить тот день.

Эйдан никогда не говорил эту фразу так. Она помнила это совершенно отчётливо. Он произносил её с лёгкой уверенностью, будто заранее знал ответ.

Будто уже видел, как она откроет дверь, закатит глаза из-за лишнего сахара в кофе или начнёт ворчать, что он опять пришёл без шапки.

Он всегда говорил так, словно их следующая встреча была чем-то само собой разумеющимся. А здесь... Перед словом «конечно» появилась крошечная пауза. Почти незаметная. Будто он на мгновение засомневался.

Анна снова нажала воспроизведение. Слушала только эту секунду. Снова. И снова. Нет... Наверное, показалось. Она слишком внимательно вслушивается. Когда слушаешь одну и ту же запись десятки раз, начинаешь находить в ней то, чего никогда не было.

Или...Она резко оборвала эту мысль. Нет. Хватит. Не стоит искать загадки там, где их нет. Она выключила экран. Но странное ощущение никуда не исчезло. Оно осталось рядом. Тихое. Почти неосязаемое. Как заноза, которую ещё не видно, но уже невозможно перестать чувствовать.

Анна убрала телефон в карман халата. Странная мысль всё ещё крутилась где-то на краю сознания, но теперь уже казалась почти нелепой. Наверное, действительно показалось. Она слишком долго слушала эти семь секунд.

Память иногда любит дописывать то, чего никогда не существовало. Она ещё несколько минут смотрела в окно. Дождь постепенно стихал. Капли уже не стучали по стеклу, а лениво стекали вниз, оставляя за собой прозрачные дорожки.

И вдруг она вспомнила Лию. Совсем неожиданно. Без причины. Будто одно воспоминание само потянуло за собой другое.

Анна даже удивилась.

Почему именно сейчас? Голосовое ведь было совсем о другом. О кофе. Об обычном вечере. О человеке, который обещал прийти через двадцать минут.

Но память редко спрашивает разрешения. Она сама выбирает, какую дверь открыть.

Перед глазами медленно возникло кладбище. Серое небо. Запах сырой земли. Тяжёлые зонты. Молчаливые люди в чёрном. Лия стояла у гроба чуть впереди остальных. Прямая

спина. Опущенные руки. Неподвижное лицо. Не холодное. Просто такое, на котором уже не осталось сил ни для слёз, ни для слов.

Анна знала её только по рассказам Эйдана. По нескольким фотографиям в телефоне. «Это Лия.» «Она у нас главная.» «Все её боятся.» «Хотя на самом деле она просто очень серьёзная.»

Он тогда смеялся. И Анна тоже смеялась. Теперь этот смех вспоминался почти неправдоподобным. На похоронах они так и не заговорили.

Анна стояла немного в стороне. Не рядом с семьёй. Но и не совсем среди остальных.

Она всё время чувствовала себя человеком, который оказался не на своём месте.

Не невеста. Не жена. Не родственница. Не чужая. Просто девушка, которая не ответила на последний звонок.

От этой мысли стало трудно дышать даже спустя десять лет.

Лия подняла голову. Их взгляды встретились. Всего на несколько секунд. Анна тогда не смогла понять, что увидела в её глазах. Там не было осуждения. Не было ненависти. Не было даже вопроса.

Что-то другое. Что-то гораздо тяжелее. Будто Лия уже знала, что настоящее наказание для Анны ещё впереди.

И ей не нужно было произносить ни слова. Они так и не подошли друг к другу. Не обменялись даже коротким «собо-

лезную». Каждая осталась стоять там, где стояла. Разделённая людьми. И болью.

Анна ушла раньше, чем закончилась церемония. Она просто больше не могла оставаться. Ей казалось, если останется ещё хотя бы на минуту, окончательно перестанет понимать, где заканчивается реальность и начинается кошмар.

Десять лет она почти не вспоминала тот взгляд. Не позволяла себе. Сегодня он вернулся сам. Так же неожиданно, как голосовые сообщения. И почему-то теперь ей казалось...

Что тогда Лия хотела сказать нечто очень важное. Но не сказала. Анна ещё долго сидела молча. Дождь почти закончился. Где-то за домами начинало светлеть, хотя до рассвета оставалось ещё несколько часов. Телефон лежал рядом. Экран давно погас. Но ей казалось, стоит протянуть руку, и она снова услышит его голос.

Она невольно улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

В памяти всплыл тот вечер. Она тогда ответила. Коротко. «Жду.» Через двадцать минут раздался звонок в дверь.

Эйдан стоял на пороге, держа в руках два бумажных стакана. Волосы были мокрыми от дождя. На куртке блестели мелкие капли. Увидев её, он улыбнулся так легко, будто весь этот вечер только и ждал момента, когда она откроет дверь.

Она посторонилась, пропуская его в квартиру. Он поднял стаканы вверх, словно это был самый важный трофей на свете.

— Миссия выполнена. Анна тогда только усмехнулась.

Даже не сказала, что всё это было приятно. Просто забрала свой кофе. Как будто так и должно было быть. Как будто он всегда будет приходить.

Она слишком быстро привыкла к его заботе. К тому, что он помнил, какой кофе она любит. К тому, что приносил ей булочки, если видел их в любимой пекарне. К тому, что пил, когда задерживался. К тому, что звонил просто потому, что соскучился.

Ей казалось, так будет всегда. Наверное, именно поэтому она почти перестала замечать всё это. Она принимала его внимание так же естественно, как принимают утренний свет в окне. Не задумываясь, что однажды его может не стать.

Кофе оказался сладким.

Анна сделала первый глоток. Поморщилась. И выразительно посмотрела на стакан. Потом перевела взгляд на Эйдана.

— Я же всегда прошу без сахара. Он растерянно посмотрел сначала на неё, потом на стакан.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Вот чёрт...

Он тихо рассмеялся, будто злился только на самого себя.

— Подожди.

— Да ладно, не надо... Но он уже поднялся.

— Пять минут.

Анна проводила его взглядом. Старая куртка. Растрёпан-

ные волосы. Быстрая походка. Она тогда ещё подумала, что сейчас он обязательно начнёт спорить. Скажет, что сахара совсем немного. Или предложит поменяться стаканами.

Но через несколько минут он вернулся. Поставил перед ней новый кофе.

— Теперь правильно. Она осторожно сделала глоток. Без сахара. И только тогда удивлённо посмотрела на него.

— Ты правда пошёл менять?

Эйдан пожал плечами. Будто ничего особенного не произошло.

— Конечно. Ты же любишь без сахара.

Он сказал это так спокойно, словно другого варианта просто не существовало. Словно пять минут ожидания были гораздо менее важны, чем её привычка пить несладкий кофе. Анна ничего не ответила. Тогда ей показалось, что это всего лишь мелочь. Обычный поступок. Не подвиг. Не жертва. Просто новый стакан кофе.

Прошло десять лет.

И только теперь она поняла, что любовь очень редко выглядит как громкие признания.

Гораздо чаще она приходит с новым стаканом кофе. Потому что человек запомнил одну маленькую деталь. И решил, что она важнее потраченных пяти минут.

Она искала доказательства любви в словах.

А Эйдан всё это время говорил с ней поступками.

Она просто не умела читать этот язык.

Под кроватью

Фотографии лежали под кроватью.

Анна всегда знала, что они там. В самом дальнем углу, за коробками с зимней обувью и старым пледом, который она давно собиралась выбросить. Иногда, меняя постельное бельё или доставая пылесос, она замечала край потёртого картона. На секунду задерживала взгляд. Потом молча задвигала коробку обратно.

Не сегодня.

Не сейчас.

Когда-нибудь потом.

Это «потом» растянулось на десять лет.

Она не выбросила фотографии.

Но и ни разу не открыла коробку.

Будто существовал негласный договор между ней и собственной памятью.

Пока крышка закрыта, прошлое остаётся там, внутри.

Не исчезает.

Просто молчит.

В субботу утром Анна проснулась позже обычного.

Квартира встретила её непривычной тишиной.

Она сварила кофе.

Не торопясь выпила его, глядя в окно, где серое небо медленно растворялось в таком же сером городе.

Вымыла чашку.

Аккуратно поставила её на сушилку.

Несколько минут просто стояла у раковины, положив ладони на прохладную столешницу.

Потом, будто решившись на что-то давно неизбежное, пошла в спальню.

Опустилась на колени.

Просунула руку под кровать.

Пальцы почти сразу коснулись картона. Она замерла.

Даже сейчас можно было передумать.

Задвинуть коробку обратно.

Встать.

Заняться уборкой.

Сходить в магазин.

Придумать ещё сотню причин, чтобы отложить всё на потом.

Но сегодня не получилось.

Анна медленно вытащила коробку наружу.

Обычная коробка из-под обуви.

Без надписей.

Без наклеек.

По углам картон потемнел от времени, крышка слегка прогнулась, словно и она устала хранить то, к чему никто не прикасался целое десятилетие.

С коробки поднялась лёгкая пыль.

Запах был знакомым.

Старый картон.

Бумага.

Что-то почти неуловимое, что всегда появляется у вещей, которые слишком долго лежат без движения.

Анна осторожно сняла крышку.

Сверху лежал билет на концерт.

Она долго смотрела на него, пытаясь вспомнить дату.

Не смогла.

Зато сразу вспомнила музыку. Они почти год слушали одну и ту же группу.

Плейлист собирался сам собой.

Одна песня цеплялась за другую, каждая незаметно обростала каким-нибудь воспоминанием.

Долгая поездка в автобусе.

Прогулка под дождём.

Первый поцелуй.

Случайная ссора.

Примирение.

Музыка становилась фоном их жизни, и тогда казалось, что так будет всегда.

После его смерти Анна ни разу не открыла этот плейлист.

Он так и остался в старом аккаунте.

Нетронутый.

Словно ждал своего часа так же терпеливо, как ждали фотографии.

И как ждало то самое голосовое сообщение, существова-

ния которого она ещё совсем недавно даже не подозревала.

Она осторожно убрала билет в сторону.

Под ним лежала фотография.

Потом ещё одна.

И ещё.

Анна медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к кровати.

Коробка осталась на коленях.

Она начала перебирать снимки один за другим.

Она взяла первую фотографию.

Они стояли где-то в центре города. За спиной тянулись витрины магазинов, кто-то случайно попал в кадр, над головой висело летнее небо.

Эйдан смеялся так искренне, что снимок будто сохранил не только его улыбку, но и сам звук этого смеха.

Анна смотрела куда-то в сторону.

Наверное, кто-то окликнул её в тот момент.

Она уже не помнила.

Следующая фотография.

Кафе.

На столе две кружки, тарелка с десертом и недоеденная картошка фри, которую они всегда заказывали "на двоих", хотя почти всё съедал Эйдан.

Ещё одна.

Он держит в руках слишком острое блюдо и делает вид, что совершенно не чувствует жжения.

Она тогда долго смеялась над его упрямством.

Он уверял, что совсем не остро.

Через минуту выпил почти литр воды.

Анна невольно улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

Улыбка появилась раньше, чем она успела её остановить.

Следующий снимок.

Эйдан сидел на скамейке.

Чуть прищурившись от солнца, смотрел куда-то мимо объектива.

Наверное, разговаривал.

Или просто задумался.

Он даже не подозревал, что в этот момент его фотографируют.

Это снимала она. Тихонько.

Без предупреждения.

Когда он потом увидел фотографию, долго смеялся и сказал, что выглядит слишком серьёзным.

Она ответила, что именно поэтому ей она и нравится.

Анна провела пальцем по краю снимка.

Бумага была прохладной.

Глянцевая поверхность давно потеряла прежний блеск, а уголки слегка загнулись.

Десять лет.

Десять лет уместались в этих едва заметных следах времени.

Она задержала взгляд на его лице.

И вдруг поняла, чего боялась все эти годы.

Не воспоминаний.

Не боли.

Она боялась однажды забыть.

Память оказалась не такой надёжной, как ей всегда казалось.

Она уже не могла с уверенностью вспомнить оттенок его глаз.

Не сразу вспоминала, как звучал его смех.

Некоторые черты лица начали стираться, словно старый рисунок под дождём.

А фотография помнила всё.

Каждую прядь волос.

Маленькую складку у глаза, которая появлялась, когда он улыбался.

Чуть сбитый воротник куртки.

Привычку смотреть немного в сторону, если о чём-то задумался. Всё то, что время безжалостно забирало у неё год за годом.

Анна осторожно прижала фотографию к груди.

Не потому, что боялась её уронить.

Потому что вдруг испугалась потерять его ещё раз.

Фотография всё ещё оставалась у неё в руках.

Анна не отводила взгляда.

Ей вдруг показалось, что между прошлым и настоящим

больше нет привычных десяти лет.

Есть только этот снимок.

И человек, который всё ещё смотрит куда-то в сторону, не подозревая, сколько всего впереди.

Двадцать лет.

Последнее лето.

Последняя осень, которая ещё казалась бесконечной.

Анна медленно закрыла глаза.

Все эти годы ей казалось, что она научилась жить с потерей.

Научилась дышать.

Работать.

Улыбаться, когда нужно.

Отвечать на вопрос «как дела?» привычным «всё хорошо».

Она была уверена, что справилась.

Теперь понимала, что ошибалась.

Она не пережила своё горе.

Она лишь научилась обходить его стороной.

Так же, как много лет обходила мост возле его дома. Так же, как обходила разговоры о нём.

Так же, как обходила коробку, спрятанную под кроватью.

Она не отпускала прошлое.

Она просто заперла его.

И потеряла ключ.

Всё, что столько лет лежало под замком, медленно подни-

малось наружу.

Не вспышкой.

Не бурей.

Словно лёд, который слишком долго сковывал реку, начал бесшумно трескаться.

Где-то глубоко внутри что-то разжималось.

Медленно.

Неотвратимо.

Сначала стало трудно дышать.

Потом защипало глаза.

Она ещё пыталась удержаться.

Сделала глубокий вдох.

Провела ладонью по лицу.

Покачала головой, словно могла приказать себе остановиться.

Не получилось.

Первая слеза сорвалась неожиданно.

За ней другая.

Потом ещё.

Анна больше не сопротивлялась.

Она плакала долго. Тихо.

Без всхлипов.

Без крика.

Так плачут люди, у которых слишком долго не было права на слёзы.

Фотография всё это время оставалась в её руках.

Она не выпустила её ни на секунду.

Будто боялась, что стоит разжать пальцы, и вместе со снимком исчезнет ещё что-то.

Когда слёз больше не осталось, в квартире стало удивительно тихо.

Слышно было только, как за окном шелестят деревья.

И как где-то далеко проехала машина.

Анна медленно поднялась.

Ноги были тяжёлыми, словно она несколько часов шла без остановки.

Она дошла до ванной.

Открыла холодную воду.

Умылась.

Долго смотрела на своё отражение.

Красные глаза.

Опухшие веки.

Мокрые пряди волос, прилипшие к щекам.

Она почти не узнавала женщину в зеркале.

Не потому, что та изменилась.

Потому что впервые за много лет увидела её без привычной защиты.

Без спокойствия, которое так долго было всего лишь маской.

Она выключила воду.

Вернулась в спальню.

И снова села на пол.

Анна медленно подняла фотографии с пола.

Одну за другой.

Не торопясь.

Будто боялась нарушить покой этих маленьких кусочков прошлого.

Она раскладывала снимки на кровати, внимательно рассматривая каждый.

Вот они сидят в маленьком кафе.

На столе чашки, сахарница, недоеденный десерт.

Она уже не помнила, о чём они тогда говорили.

Зато помнила, что смеялись почти весь вечер.

На другом снимке они гуляли в парке.

Эйдан держал в руках бумажный пакет с горячими каштанами, хотя терпеть их не мог.

Купил только потому, что она однажды сказала, что любит их запах осенью.

Есть фотография, где он снова смотрит куда-то в сторону.

Не в объектив.

Не на прохожих.

На неё.

Анна замерла.

Теперь она замечала это почти на каждом снимке.

Когда фотографировал кто-то другой, Эйдан редко смотрел в камеру.

Он почти всегда смотрел на неё.

Будто именно она была тем, что ему хотелось запомнить.

Почему раньше она этого не видела? Наверное, потому что тогда это казалось обычным.

Когда тебя любят каждый день, любовь перестаёт бросаться в глаза.

Она становится фоном.

Таким привычным, что начинаешь замечать её только после того, как она исчезает.

Анна медленно провела пальцами по фотографии.

Потом начала собирать снимки обратно.

Аккуратно.

Так же бережно, как доставала их несколько минут назад.

Один за другим они снова легли в коробку.

Последней осталась фотография, где Эйдан не замечал камеры.

Она долго смотрела на неё.

Потом, почти не думая, поставила снимок на прикроватную тумбочку, прислонив к настольной лампе.

Пусть останется.

Хотя бы сегодня.

Она легла поверх покрывала.

Комната постепенно наполнялась серым осенним светом.

Во дворе хлопнула дверь подъезда.

Кто-то громко поздоровался с соседями.

Проехала машина.

Где-то залаяла собака.

Обычная суббота.

Обычная жизнь.

Мир продолжал двигаться вперёд, даже не замечая, что для кого-то время вдруг повернуло назад. Анна смотрела в потолок.

Мысли больше не метались.

После слёз внутри стало непривычно тихо.

Пусто.

Она вдруг поняла одну простую вещь.

Раньше ей казалось, что горе похоже на шторм.

Оно приходит.

Ломаёт всё вокруг.

А потом однажды заканчивается.

Теперь она знала правду.

Настоящее горе совсем другое.

Оно умеет ждать.

Тихо.

Терпеливо.

Оно складывается в старую обувную коробку, прячется под кроватью вместе с фотографиями и делает вид, что его больше нет.

Пока однажды ты не откроешь крышку.

Телефон на тумбочке молчал.

Анна повернула голову.

Рядом со смартфоном стояла фотография.

Эйдан всё так же смотрел куда-то в сторону, не подозревая, что через несколько часов снова заговорит с ней.

Она ещё не знала, каким будет следующее голосовое.

Но впервые за десять лет ожидание перестало пугать её.

Теперь оно стало единственной ниточкой, связывающей её с человеком, которого она так долго боялась вспоминать. Она вспомнила день, когда впервые после ссоры приехала к нему без предупреждения.

Уже потом, спустя годы, Анна не могла вспомнить, как именно приняла это решение.

Кажется, всё произошло само собой.

Утром она проснулась с ощущением, что больше не выдержит ещё одного дня в этой бессмысленной тишине. До вечера пыталась убедить себя подождать, подобрать правильные слова, написать сообщение. Не получилось.

Она просто вышла из дома.

Доехала через весь город.

И только оказавшись у его подъезда, поняла, что так и не придумала, с чего начнёт разговор.

Несколько секунд стояла перед дверью.

Потом нажала звонок.

Шаги за дверью.

Тихие.

Неторопливые.

Замок щёлкнул.

Эйдан открыл почти сразу.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга. Столько дней прошло после ссоры.

А казалось, будто между ними успела пролечь целая жизнь.

Он выглядел уставшим.

Не больным.

Не несчастным.

Просто очень уставшим. Под глазами залегли тени, волосы были растрёпаны, домашняя футболка помялась так, будто он даже не замечал подобных мелочей.

Он ничего не спросил.

Не удивился.

Только молча сделал шаг в сторону, освобождая проход.

Анна вошла.

В квартире было тихо.

На кухонном столе стояла кружка с давно остывшим чаем.

Рядом лежал открытый ноутбук.

Экран всё ещё светился.

Наверное, он работал, когда она позвонила.

Эйдан подошёл к окну.

По привычке засунул руки в карманы.

За стеклом медленно опускался вечер.

Никто не начинал разговор первым.

Тишина становилась всё тяжелее.

Наконец Анна тихо сказала:

— Я хотела поговорить.

Он кивнул.

Совсем слегка.

— Хорошо.

Всего одно слово.

Без раздражения.

Без сарказма.

Без тепла. Будто он уже слишком устал вкладывать чувства в простые ответы.

И именно это испугало Анну больше всего. Тишина затягивалась.

Анна смотрела на его спину и вдруг поняла, что заготовленные по дороге слова исчезли.

Будто их никогда и не было.

Всю дорогу ей казалось, что стоит только увидеть его, и нужные фразы сами найдутся.

Не нашлись.

Осталось только ощущение, что если она сейчас промолчит, между ними останется что-то гораздо страшнее любой ссоры.

— Я знаю, что последнее время было тяжело... наконец сказала она.

Эйдан молчал.

Он не перебивал.

Не отворачивался. Просто слушал.

— И... я знаю, что многое испортила сама.

Она опустила взгляд.

— Я постоянно срывалась. Злилась не на тебя, а почему-то на тебя. И каждый раз думала, что потом объясню. По-

том извинюсь. Потом всё исправлю... Она грустно усмехнулась.

— Только это "потом" почему-то всё время становилось следующим днём.

Эйдан медленно выдохнул.

Совсем тихо.

Так тихо, что она скорее почувствовала этот выдох, чем услышала его.

— Я знаю.

Эти два слова почему-то сделали большее любых обвинений.

Лучше бы он сказал, что злится.

Лучше бы накричал.

Лучше бы хоть что-нибудь разбил.

Но он просто сказал:

— Я знаю.

И снова наступила тишина.

Анна сделала шаг к нему.

Совсем маленький.

— Эйдан...

Теперь он повернулся.

И только тогда она увидела его лицо.

Не сердитое.

Не обиженное.

Уставшее.

Так выглядит человек, который слишком долго пытался

удержать что-то обеими руками, а теперь больше не уверен, что у него остались силы.

— Посмотри на меня, почти шёпотом попросила она.

Он уже смотрел.

Только взгляд был каким-то далёким.

Не холодным.

А бесконечно усталым.

Словно за последние недели между ними накопилось столько несказанных слов, что он уже не понимал, с какого начать.

Анна почувствовала, как внутри всё сжимается. Она приехала именно за этим моментом.

Чтобы наконец сказать самое главное.

— Мне правда жаль.

Голос дрогнул.

— Не потому, что мы поссорились. И не потому, что мне сейчас страшно. Мне жаль... что я всё это время делала вид, будто ты обязан понимать меня без слов.

Она покачала головой.

— А сама даже не пыталась понять тебя.

Эйдан долго молчал.

Очень долго.

Потом едва заметно прикрыл глаза. Будто собирался с силами.

— Анна...

Он произнёс её имя так тихо, что сердце болезненно сжа-

лось.

— Я не хочу сейчас.

Она сделала ещё один шаг.

— Пожалуйста...

— Не сейчас.

Он говорил спокойно.

Но за этим спокойствием слышалось совсем другое.

Не злость.

Не равнодушие.

А человек, у которого просто больше не осталось сил продолжать разговор именно сегодня.

Он отвернулся к окну. И очень тихо добавил:

— Можно... не сегодня?

Анна замерла.

Всего два слова.

«Не сегодня.»

Любой другой день она, наверное, развернулась бы и ушла.

Даже обиделась бы.

Сказала себе, что он не хочет её видеть.

Но сейчас она вдруг ясно почувствовала: дело совсем не в этом.

Он не прогонял её.

Он просто больше не мог.

Она смотрела на его спину и понимала, сколько раз сама просила его подождать.

Сколько раз говорила:

«Давай потом.»

«Не сейчас.»

«Я устала.»

«Мне нужно время.»

Он ждал.

Каждый раз.

Теперь очередь ждать была за ней.

И почему-то именно это оказалось невыносимо.

Она медленно кивнула.

Хотя он этого не видел.

— Хорошо... Голос прозвучал совсем тихо.

Почти неслышно.

Она ещё несколько секунд стояла посреди комнаты.

Хотелось подойти.

Обнять его.

Положить ладонь на плечо.

Сказать, что всё ещё можно исправить.

Но расстояние между ними вдруг стало слишком большим.

Не в метрах.

В чём-то другом.

В том, что нельзя пройти несколькими шагами.

Анна молча подняла сумку.

Перекинула ремень через плечо.

Повернулась к двери. Каждое движение казалось непра-

вильным.

Словно она играет чужую роль и знает, что сейчас должна сказать что-то важное.

Но слова снова не пришли.

Она уже взялась за ручку двери, когда услышала за спиной:

— Анна...

Она остановилась.

Сердце ударило так сильно, что на мгновение стало трудно дышать.

Она ждала.

Ждала, что сейчас он скажет:

«Останься.»

Или:

«Давай попробуем ещё раз.»

Или хотя бы:

«Не уходи.»

Она не обернулась.

Боялась.

Если бы повернулась раньше времени, надежда могла рассыпаться ещё до того, как он договорит.

За спиной снова стало тихо.

Прошла секунда.

Потом ещё одна.

Она всё ещё ждала.

Но слов больше не последовало.

То ли он передумал.

То ли так и не смог найти нужных слов.

То ли они были слишком тяжёлыми, чтобы произнести их вслух.

Анна медленно открыла дверь.

Вышла на лестничную площадку.

За спиной негромко щёлкнул замок.

Она не заплакала.

Просто остановилась.

Как делала уже однажды после их последней ссоры.

Стояла и смотрела на закрытую дверь.

Ждала.

Может быть, сейчас она откроется. Может быть, он всё-таки выйдет.

Окликнет её ещё раз.

Скажет хоть что-нибудь.

Тишина.

Только где-то этажом выше хлопнула дверь. Кто-то спускался по лестнице.

Обычная жизнь продолжала идти своим чередом.

Анна медленно пошла вниз. На каждой ступеньке ей хотелось обернуться.

Она не обернулась.

Тогда ей казалось, что впереди ещё много времени.

Что они обязательно встретятся через день.

Или через неделю.

Что этот разговор просто перенесли.

Никто не знал...

Что через три дня времени уже не останется.

Через три дня Эйдана не стало. И всю оставшуюся жизнь Анна пыталась вспомнить тишину, наступившую после того, как он произнёс её имя.

Ей казалось, что именно в этой тишине навсегда остались слова, которых она так и не услышала.

Две галочки

Голосовое этой ночью оказалось совсем другим. Не тёплым. Резким.

Эйдан говорил быстро, вполголоса, будто не хотел, чтобы его слышал кто-то ещё. Почти сразу Анна поняла: это сообщение предназначалось не ей. Другу.

На фоне звучала музыка, кто-то смеялся, доносились обрывки чужих разговоров, звон посуды. Похоже, они сидели в каком-то кафе или собрались у кого-то дома. — Не знаю, — устало произнёс Эйдан. — Просто не понимаю её иногда. Вроде всё нормально... а потом резко, будто стену между нами ставит. И ничего не объясняет. Просто молчит или уходит.

За кадром что-то ответили. Слов было не разобрать — только мужской голос и короткий смешок. Эйдан негромко выдохнул.

— Да не злюсь я... Устал просто.

Ненадолго замолчал, потом совсем тихо добавил:— Ладно... проехали.

Голосовое оборвалось.

Анна ещё несколько секунд смотрела на экран, будто ожидала, что запись продолжится сама собой. Потом включила снова. Во второй раз она почти не слушала слова — слушала его, интонацию, ту самую, которую раньше никогда не заме-

чала. Он не жаловался, не пытался выставить её виноватой, не искал поддержки. Он просто устал. По-настоящему. Так устают не от человека — так устают от бесконечных попыток достучаться.

Анна медленно положила телефон рядом. Комната снова погрузилась в тишину.

«Не понимаю её иногда...» Эти слова не звучали как упрёк — скорее как признание собственного бессилия.

Она закрыла глаза и впервые за десять лет честно спросила себя: а я хоть раз объяснила ему, что со мной происходило? Не намекнула, не обиделась, не ушла молча — а именно объяснила? Сказала вслух: «Мне страшно». «Мне больно». «Я не умею говорить об этом, но очень стараюсь». Нет. Она всегда ждала, что он поймёт сам, будто любовь автоматически даёт человеку способность читать мысли.

Не даёт.

Она открыла глаза. Ответ оказался слишком простым — и именно поэтому таким болезненным. Они оба говорили на одном языке. Но почему-то всё время ждали перевода.

Анна медленно поднялась с кровати. В комнате вдруг стало тесно. Она вышла на кухню почти машинально — не потому, что хотела пить, просто не могла больше лежать. Подошла к окну.

За стеклом жил ночной город. Редкие машины скользили по мокрому асфальту, оставляя за собой длинные полосы света. В окнах соседнего дома кое-где ещё горел свет. Кто-

то, как и она, не спал. Дождь продолжал идти — третий день подряд, мелкий, настойчивый, будто тоже никак не мог закончиться. «Устал просто...» Эти два слова не выходили из головы. А ведь тогда она была уверена совсем в другом. Ей казалось, что Эйдан перестал стараться, что ему стало всё равно, что только она одна пытается удержать их отношения.

Теперь, спустя десять лет, она вдруг увидела всё иначе. Он тоже пытался — так же неловко, так же неправильно, так же отчаянно. Просто они оба выбирали разные способы молчать. Два человека, которые одинаково боялись быть непонятыми. Оба надеялись, что другой однажды догадается сам. Оба ждали первого шага. И оба были уверены, что времени ещё достаточно.

Как же они ошибались...

Анна прислонилась лбом к холодному стеклу. Если бы можно было вернуться — не в этот странный чат, не к голосовым, по-настоящему, хотя бы на один вечер. Она больше не стала бы ждать, пока он сам поймёт. Она сказала бы всё сразу: мне больно, мне страшно, когда мне кажется, что ты отдаляешься, я не умею говорить первой, но я попробую. Всего несколько честных предложений. Наверное, именно их тогда не хватило больше всего.

Она закрыла глаза. По щеке медленно скатилась слеза, потом ещё одна. Анна не вытирала их, позволила им течь — слишком долго внутри не было места даже для этого.

Вернувшись в комнату, она взяла телефон. Экран всё ещё

светился, чат был открыт — пустой, кроме голосовых, кроме прошлого. Она долго смотрела на строку для сообщения, будто ждала, что кто-то остановит её.

Не остановил.

Пальцы сами коснулись клавиатуры. Слова начали появляться одно за другим — без плана, без черновика, без попытки написать красиво. Так, как пишут только тогда, когда больше невозможно молчать.

Анна долго смотрела на пустую строку. Курсор спокойно мигал, словно терпеливо ждал, пока она наконец решится. Она не знала, кому пишет: человеку, которого больше нет, прошлому, самой себе, или пустоте. Наверное, это уже не имело значения. Главное было наконец сказать то, что десять лет жило внутри.

Пальцы медленно коснулись экрана.

«Я тоже не умела».

Она остановилась, прочитала, продолжила.

«Я знаю, что поздно это говорить. Тебя нет, и этот чат не должен существовать. Но если бы у меня был ещё один шанс...»

Она стёрла последние слова. Слишком громко, слишком театрально. Написала иначе. «Но я бы очень хотела всё сделать по-другому».

Буквы появлялись одна за другой, без остановки.

«Я бы сказала тебе тогда, что мне страшно. Что я закрываюсь не потому, что мне всё равно. Наоборот. Потому что

ты был слишком важен для меня. И я не знала, как перестать бояться однажды тебя потерять».

Она почувствовала, как снова начинают дрожать пальцы. Но не остановилась.

«Я бы не ушла в ту последнюю ночь. Я бы взяла трубку. Я бы сказала тебе остаться. Хотя бы один раз перестала бы ждать, что ты поймёшь меня без слов».

Последняя мысль пришла неожиданно — настолько неожиданно, что она несколько секунд просто смотрела на экран. Потом медленно напечатала:

«И ещё... Я бы попросила тебя не ходить туда. В ту ночь. Девятнадцатое число. Поздний вечер. Переулок за Садовой. Я не знаю, зачем ты туда пошёл. Но если бы ты туда не пошёл...»

Она замерла. Из глаз снова покатались слёзы, экран расплывался. Она моргнула и допечатала последнюю строчку.

«Пожалуйста».

Больше ничего. Ни объяснений, ни прощаний. Только одно слово. Самое простое. Самое невозможное.

Анна перечитала сообщение целиком. Оно казалось неправильным, нелепым — человек в здравом уме не пишет умершим, тем более не предупреждает их об опасности, случившейся десять лет назад. Она невольно усмехнулась, устало, почти беззвучно. Наверное, окончательно сошла с ума.

Палец завис над кнопкой отправки. На одно короткое мгновение она действительно задумалась. Потом закрыла

глаза и нажала.

Сообщение исчезло из строки, появилось в чате. Она смотрела на него, не моргая, не ожидая ничего, потому что чудес не бывает....

Именно так она думала в тот момент.

Сообщение отправилось. Анна ещё несколько секунд смотрела на экран. Серый пузырьёк застыл внизу переписки. Ничего не происходило.

Она медленно выдохнула. Конечно. Чего ещё она ожидала? Это был всего лишь старый чат. Станный, невозможный, но всё-таки старый. Она уже собиралась положить телефон на тумбочку, когда что-то изменилось. Совсем незаметно. Рядом с сообщением появилась вторая галочка.

Анна нахмурилась. Несколько секунд просто смотрела на экран, не понимая, что именно её насторожило. Потом сердце пропустило удар.

Две галочки.

Она почувствовала, как по спине медленно пробежал холод. Нет... так не бывает. Она ещё раз посмотрела на экран. Галочки никуда не исчезли, будто были там всегда. Телефон коротко завибрировал. На экране медленно появилась новая строка.

Эйдан печатает...

Анна перестала дышать.

Нет. Нет. Нет. Этого не может быть.

Буквы исчезли, появились снова — словно по ту сторону

экрана человек несколько раз начинал писать и стирал написанное. Она смотрела, не моргая. Сердце билось так сильно, что шум крови заглушал всё остальное. Дождь. Тиканье часов. Даже собственное дыхание. Весь мир будто перестал существовать. Остался только маленький экран телефона. И два слова.

Эйдан печатает...

Потом надпись исчезла. Телефон снова вздрогнул в её ладони. Новое сообщение.

Анна. Ты в порядке? О какой ночи ты говоришь?

Анна смотрела на экран. Долго. Слишком долго. Буквы не менялись, сообщение не исчезало. Она знала эту манеру писать: без лишних слов, без смайликов, без точек в конце предложений.

Именно так писал Эйдан. Всегда.

Она медленно подняла руку и коснулась экрана кончиками пальцев, будто хотела убедиться, что он настоящий. Потом прочитала сообщение ещё раз, и ещё — каждый раз надеясь найти ошибку, объяснение, хоть что-нибудь. Не находила.

Это был он. Живой. Где-то по ту сторону времени. Не знающий, что проживёт ещё всего несколько дней. И не понимающий, почему девушка, которую он любит, вдруг говорит о какой-то ночи, которая для него ещё даже не наступила.

Анна открыла строку ответа. Пальцы зависли над клавиатурой. В голове одновременно рождались сотни слов. «Не

выходи из дома». «Ты погибнешь». «Я из будущего». «Я люблю тебя». Ни одно из них не казалось правильным, ни одно не помещалось в этот маленький прямоугольник экрана. Она так и не смогла написать ни буквы. Потому что иногда самое страшное чудо происходит не тогда, когда мёртвые начинают говорить. А тогда, когда ты вдруг понимаешь: они всё это время были живы.

Анна не заметила, что всё ещё держит палец над экраном. Прошла минута. Может, две. Ответа не было — потому что отвечать должна была она.

По ту сторону телефона Эйдан ждал. Так же, как когда-то ждал её звонка. Так же, как когда-то ждал ответа на свои голосовые.

Мысль ударила неожиданно. Так же. Десять лет назад он ждал. Теперь ждал снова. Только теперь у неё действительно был шанс не промолчать.

Анна закрыла глаза, сделала медленный вдох и начала печатать. Буква. Пауза. Ещё буква. Потом стёрла всё — слишком много, слишком страшно.

Снова открыла пустую строку. Напечатала всего три слова.

Ты мне веришь?

Отправила.

На этот раз ответ появился почти сразу.

Не знаю.

Несколько секунд спустя пришло ещё одно сообщение.

Но я тебя слушаю.

Анна замерла. Эти четыре слова сделали то, чего не смогли сделать десять лет. Они дали ей возможность говорить. По-настоящему. Не оправдываться, не защищаться — просто говорить.

Она почувствовала, как слёзы снова начинают застилать глаза. И впервые за долгие годы они были не только от боли. Где-то глубоко внутри появилась крошечная, почти незаметная надежда — такая хрупкая, что страшно было даже назвать её этим словом. Она боялась пошевелиться, боялась, что если моргнёт, экран погаснет, что сообщение исчезнет, что всё это окажется сном.

Но телефон продолжал лежать у неё в руках. Тёплый. Настоящий. И в нём был человек, которого она десять лет считала навсегда потерянным.

Она медленно набрала:

Тогда, пожалуйста... что бы я сейчас ни написала, не спорь сразу. Просто прочитай до конца. Она долго смотрела на сообщение. Потом отправила.

Над экраном почти сразу появилось:

Эйдан печатает...

Анна невольно улыбнулась сквозь слёзы. Совсем чуть-чуть. Наверное, впервые после его смерти.

Надпись «Эйдан печатает...» исчезла. Вместо неё пришло короткое сообщение.

Хорошо.

Всего одно слово. Анна смотрела на него долго. Потом медленно начала писать.

«Сначала ответь мне честно. Какое сегодня число?»

Она нажала «Отправить».

Ответ пришёл почти сразу.

16 октября.

Анна почувствовала, как сердце медленно ухнуло куда-то вниз. Шестнадцатое. Она закрыла глаза. В памяти вспыхнула дата, которую она столько лет пыталась забыть.

Девятнадцатое.

До той ночи оставалось три дня. Всего три. Пальцы стали ледяными. Она вдруг отчётливо поняла: это не запись, не сбой, не сон. Он действительно сидит где-то там. Живой. Не подозревающий, что через три дня его жизнь оборвётся.

Анна долго ничего не писала. Экран снова ожил.

Ты меня пугаешь.

Она почти услышала, как он это говорит — спокойно, с лёгкой усмешкой, так же, как говорил всегда, когда не понимал, что происходит. Она невольно улыбнулась сквозь слёзы.

«Извини. Я не хотела».

Через несколько секунд пришёл ответ.

Тогда объясни.

Она снова замолчала. Как объяснить человеку невозможное?

«Если я скажу, ты не поверишь».

Ответ пришёл мгновенно.

А ты всё равно скажи. Анна смотрела на эти четыре слова и вдруг поняла: раньше они никогда так не разговаривали. Никогда. Раньше каждый из них больше думал о том, что ответить. Сейчас они впервые думали только о том, чтобы понять.

Она глубоко вдохнула, открыла клавиатуру и впервые за десять лет решила ничего не скрывать. Пальцы легли на экран.

«Я...»

Она остановилась, удалила, снова начала.

«Меня зовут Анна».

Удалить. Глупость — конечно, он знает. Она нервно усмехнулась.

«Мне двадцать девять».

Удалить. Снова не то. Она закрыла лицо ладонью. Даже сейчас, даже когда между ними рухнули десять лет, она всё ещё не умела начать самый важный разговор в своей жизни.

И где-то там, в другом октябре, Эйdan терпеливо ждал. Не торопил, не писал: «Ну?» Просто ждал, как будто чувствовал, что каждое следующее слово изменит их обоих навсегда.

Той ночью Анна долго не могла уснуть. Не потому, что ждала нового сообщения. Потому что теперь знала: по ту сторону экрана тоже кто-то не спит. Эта мысль никак не помещалась в голове.

Она перевернулась на другой бок, закрыла глаза — и

вдруг вспомнила вечер, о котором не думала много лет.

Была поздняя осень, такая же сырая, как сейчас. Они сидели на автобусной остановке. Последний автобус только что ушёл прямо у них перед носом. Эйдан посмотрел ему вслед и театрально вздохнул.

— Всё. Теперь мы официально самые невезучие люди в городе.

Анна тихо засмеялась.

— Это ты виноват.

— Конечно.

— Если бы ты ещё десять минут выбирал булочку, мы бы вообще здесь ночевали.

Он сделал вид, что задумался. — Зато булочка была бы идеальной.

Она закатила глаза.

— Ты невозможный.

— Знаю.

И улыбнулся — так легко, так просто. Они замолчали. Ветер гонял по пустой улице мокрые листья, где-то далеко проехала машина. Эйдан сидел рядом, локтями опираясь на колени. Анна украдкой смотрела на него, хотела что-то сказать — очень простое: что ей хорошо рядом, что она любит вот такие вечера, что ей нравится, когда он смеётся. Слова были совсем рядом. Но она промолчала.

Эйдан вдруг повернулся, будто почувствовал её взгляд.

— О чём думаешь?

Она слишком быстро отвела глаза.

— Ни о чём.

Он усмехнулся тихо, без насмешки.

— Врёшь.

Анна удивлённо посмотрела на него.

— Почему это?

— Потому что я тебя уже знаю. Когда ты действительно ни о чём не думаешь, ты начинаешь считать машины.

Она невольно улыбнулась. Он был прав.

— А когда молчишь вот так... значит, внутри уже идёт целый разговор.

Она ничего не ответила, только крепче сжала рукава куртки. Эйдан не торопил, посидел ещё немного, потом спросил совсем спокойно:

— Почему ты всегда боишься сказать то, что чувствуешь?

Вопрос застал её врасплох. Она долго молчала, потом едва слышно произнесла:

— Потому что...

Запнулась, подобрала колени ближе. — Потому что вдруг скажу что-то не так.

Он слушал, не перебивая.

— А если после этого человек уйдёт?

Эйдан несколько секунд смотрел на мокрый асфальт, потом перевёл взгляд на неё и улыбнулся так мягко, что у неё сжалось сердце.

— Анна...

Он осторожно коснулся её руки — совсем легко, будто спрашивал разрешения.

— Обычно люди уходят не из-за сказанных слов.

Он сделал короткую паузу.

— Обычно всё портит молчание.

Она посмотрела на него, запомнила эту фразу. Но тогда не поняла её.

Анна резко открыла глаза. Комната была тёмной. Телефон лежал рядом, чат всё ещё был открыт. Она медленно провела пальцем по экрану.

«Обычно всё портит молчание».

Десять лет назад она решила, что успеет сказать всё потом. Теперь она знала цену этого слова.

Потом.

Она тихо закрыла глаза и впервые подумала, что, может быть, судьба дала ей этот невозможный чат не только для того, чтобы спасти Эйдана. Но и для того, чтобы наконец перестать молчать.

Анна больше не пыталась уснуть. Телефон лежал рядом, экран давно погас. Но ей казалось, что стоит закрыть глаза, и он снова завибрирует.

Она осторожно открыла чат. Последним всё ещё стояло его сообщение. «Хорошо». Чуть выше — «Ты меня пугаешь». И ещё выше — «Но я тебя слушаю». Всего несколько слов, совсем обычных. Но именно их ей так не хватало десять лет назад.

Она медленно провела пальцем по экрану, будто боялась случайно стереть переписку. Где-то там Эйдан сейчас жил обычным вечером. Наверное, уже собирался ложиться спать, может быть, поставил телефон на зарядку, может быть, даже улыбнулся, решив, что Анна снова говорит загадками. Он ещё не знал, что за эти несколько минут стал для неё человеком, которого она потеряла — и снова нашла. Анна посмотрела на фотографию, стоявшую на тумбочке, — ту самую, где он не замечал камеры. Она осторожно коснулась пальцами его лица и впервые за десять лет сказала вслух:

— Я отвечу.

Голос прозвучал непривычно, будто она давно разучилась произносить обещания. Она улыбнулась едва заметно, совсем немного, и добавила почти шёпотом:

— Теперь... я всегда буду отвечать.

В комнате было тихо. За окном продолжал идти дождь. Но впервые за очень долгое время эта тишина больше не казалась пустой. Где-то по другую сторону времени человек, которого она любила, ещё был жив. И между ними снова появились сло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.